

Глава 1. Идеальный мир

Тело ниндзя — настоящая сокровищница.

Вытерев с рук капли воды, Сяомонь надел особые перчатки. Тонкая резина плотно облегла ладони, точно вторая кожа.

Если при жизни этот шиноби отдал полю боя почти весь свой век, если его шаги и громкая слава отзывались по всему миру ниндзя, если он постиг тысячи техник и ведал бесчисленным множеством тайн — тех, что ждали часа вырваться на свет, и тех, что следовало навеки погребсти во тьме, — если он к тому же владел сильнейшим в мире кеккей генкаем, то его плоть без преувеличения можно было назвать бесценным кладом.

Он согнул и разогнул пальцы — каждый сустав двигался с безупречной гибкостью. Сяомонь удовлетворенно хмыкнул и повернулся к операционному столу, где его дожидался лежащий неподвижно драгоценный трофей.

Объект №009720. Бывший командир Седьмой команды, джонин-инструктора Удзумаки Наруто, Харуно Сакуры и нукенина Утихи Саске. Копирующий ниндзя, павший в бою с лидером Акацуки, Пейном, — Хатаке Какаси.

Месяц назад на кладбище, превращенном в руины, выжившие простились с павшими товарищами. Всех погибших предали земле, кроме Какаси. Его Мангекё Шаринган был слишком лакомым кусочком для чужих глаз. Вырвать заветное око у живого «первого специалиста Конохи» было задачей не из легких, зато снять его с трупа не составляло никакого труда. Чтобы уберечь останки героя от осквернения, глава клана Нара Сикаку, оба советника и новый Хокаге с общего согласия наложили на тело Какаси запечатывающее заклятие высшего уровня. Труп поместили в подземную секретную комнату Анбу под круглосуточную охрану трех отрядов.

Однако Сяомонь прекрасно понимал: это лишь отсрочка, хитрый ход, призванный усыпить бдительность остальных — и прежде всего Удзумаки Наруто. Ведь алчные взоры на Шаринган устремлялись не только извне, но и изнутри самой Конохи. Симура Дандзо, взошедший на пост Хокаге, сам жаждал завладеть силой древнего додзюцу сильнее всех.

Будучи главным медицинским ниндзя «Корня», Сяомонь всем сердцем одобрял замыслы своего господина. Дандзо пообещал: как только глаз будет извлечен, тело Какаси поступит в полное распоряжение Сяомоня для вскрытия, исследований и любых экспериментов. Разве существует награда заманчивее? Едва ли.

Два часа назад, предъявив указ Дандзо и приведя с собой четверых оперативников «Корня», он забрал Какаси из лабораторий Анбу под предлогом перевода в более надежное место. Теперь этот труп принадлежал ему. Сяомонь намеревался выжать всю пользу из каждой капли его крови, из каждой жилы, кости и органа. Какаси Шарингана принесет Конохе последнюю пользу.

«Если этот человек, всю жизнь верой и правдой служивший деревне, сохранил разум и на том свете, он наверняка порадует за нас».

Сяомонь остановился у операционного стола, окинув взглядом тело, сплошь обвитое исписанными печатями бинтами, и похлопал по нему. Распаковка подарка — всегда самая приятная часть.

— Маэда, — он протянул руку назад. — Ты ведь взял у Анбу инструкцию по снятию печати? Давай ее сюда.

Помощник не отозвался с привычной готовностью и не вложил нужную бумагу в ладонь. В операционной с неизвестных пор воцарилась мертвая, жуткая тишина. Сяомонь резко вскинул голову и посмотрел на двух оперативников «Корня», стоявших на страже по углам комнаты. Те молча застыли на своих местах, их безжизненные маски ничего не выражали.

Но в следующее мгновение на его глазах оба стражника, точно лишившись костей, рухнули ничком на пол, полностью потеряв признаки жизни.

За спиной раздались еще два глухих удара — Сяомонь понял, что упали Маэда и оставшиеся двое бойцов. Однако сквозь охвативший его ужас инстинкт опытного шиноби уловил еще один, еле слышный звук.

Совсем рядом, у самой его спины.

Едва ощутимый шорох. Кто-то бесшумно ступил на пол.

Волосы на затылке встали дыбом. Сяомонь замер, боясь пошевелить даже пальцем. Холодный пот мгновенно прошиб спину. Затаив дыхание, он медленно покосил глазами на лоток с инструментами, где блестел скальпель.

«Только бы дотянуться...»

Сяомонь стиснул зубы и резко рванулся вперед, надеясь схватить оружие прежде, чем незнакомец успеет среагировать. Но непрошенный гость оказался быстрее: с коротким свистом острый деревянный шип пробил его ладонь, пригвоздив ее к столу в каких-то сантиметрах от лотка.

— А-а-мгм-м!..

Рука в черной перчатке сзади намертво зажала ему рот, давя дикий крик боли в самом горле. В спину, прямо напротив сердца, уперся еще один деревянный шип, неся в себе недвусмысленную угрозу.

— Кто разрешил тебе касаться его своими грязными руками? — раздался над ухом чужой, леденящий душу голос — низкий, хриплый, словно доносящийся из самых глубин преисподней.

Ладонь захватила его подбородок и с силой повернула голову. Взгляд Сяомоня насильно сместился, и он столкнулся взором с двумя глазами разного цвета — алым и фиолетовым, в которых пылала нескрываемая, люта́я ярость и жажда убийства.

Сяомонь даже не успел разглядеть лицо захватчика: в глазах потемнело, и он провалился в небытие.

Сбросив потерявшего сознание ирьёнина в пространство Камуи, Утиха Обито медленно опустил руку. Он застыл на месте, въедаясь взглядом в лежащую на столе фигуру. Бушевавшие только что эмоции вмиг испарились, лицо вновь стало бесстрастным, словно на него надели невидимую маску.

Он стоял неподвижно, не обращая внимания на то, что находится в самом сердце вражеского логова, да и вряд ли его это хоть сколько-нибудь заботило. Прошло несколько долгих минут, прежде чем он сделал шаг вперед.

Могущественный Шаринган без труда различал потоки чакры внутри запечатывающих бинтов. Обито протянул руку, но за мгновение до прикосновения замер. Кончики его пальцев слегка дрогнули, и лишь после этого он тихонько опустил ладонь на грудь павшего.

Сложив другой рукой печать перед грудью, он вполголоса произнес:

— Кай!

Символы печати вспыхнули тусклым алым светом и стремительно побежали по ткани, издавая тихий шуршащий звук. Свечение становилось все ярче, пока не достигло предела, и с мягким щелчком руны развеялись вместе с красным сиянием.

Запечатывающие бинты ослабли и сами собой расползлись в стороны. Сконцентрировав чакру на кончиках пальцев, Обито провел ими сверху вниз. Ткань распахнулась, точно разрезанный кокон, выставив напоказ лежащего внутри мужчину. Точнее — его тело.

Завидев знакомое, бледное лицо, Обито невольно затаил дыхание. Его губы сжались в узкую нить.

Благодаря магии фуиндзюцу тело прекрасно сохранилось, удерживая облик, какой Какаси имел при жизни. Маска сползла к самой шее; лицо серебряноволосого джонина казалось умиротворенным — на нем не осталось и следа перенесенных перед смертью мук. Если бы не

неестественный синевато-белый оттенок кожи, могло показаться, будто он просто спит.

«Значит, вот чем все закончилось, — подумал Обито. — Жизнь Хатаке Какаси оборвалась здесь. Короткие тридцать лет. День за днем, без остатка отдавая себя бессмысленным миссиям и стоянию у Монуменга павшим, топя себя в пустоте и раскаянии... Чтобы в итоге сдохнуть ради деревни».

«Ты ведь доволен такой смертью, верно? О чем ты думал в последнюю секунду? Наверняка о том, что отдал деревне всего себя и ушел не зря?»

Обито приложил ладонь к левой стороне груди. Там ничего не отозвалось — ни злорадства, ни боли. Лишь зияющая пустота, будто сердце вырвали с корнем. Ему казалось, что у него самого, как и у этого трупа, больше нет биения пульса.

«Впрочем, чей это сюрприз? Разве тот, чье имя выбито на Монументе павших, не мертвец давным-давно?»

Пальцы сжались, смяв ткань плаща с красными облаками. Мышцы на скулах заходили ходуном, и Обито наконец выдавил из себя искривленную, исполненную яда ухмылку.

— Жалкий, смешной, никчемный кусок мусора, — прошептал Обито, обращаясь к мертвецу. Слова звучали язвительно, но тон был неимоверно мягок.

Он наклонился, подвел руки под колени и спину Какаси и бережно поднял его на руки.

Закружилась воронка Камуи, и его силуэт растаял в пространстве. Белый свет операционной лампы освещал пустую комнату. Вокруг царил гробовая тишина, будто сюда никто и не входил.

Обито стер из памяти Сяомоня все воспоминания о своем появлении. Он снял Печать искоренения языка и внушил медицинскому ниндзя гипнотический приказ. Завтра утром, как только кто-нибудь заговорит с ним, Сяомонь сразу же выдаст коварный замысел Дандзо.

Затем Обито отыскал временное жилище Наруто и перенес бессознательного ирьёнина туда. Из-за истории с Саске Наруто и без того недолюбливал Дандзо; узнав же, что тот посягнул на тело Какаси, юноша ни за что этого не спустит. Деревня едва пережила разруху, и конфликт между спасителем Конохи и новым Хокаге породит еще больший хаос — а это Обито лишь на руку.

В домике стояла тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием золотоволосого подростка. За день Наруто истратил уйму сил, создавая теневых клонов для восстановления Конохи, и теперь

спал беспросветным сном, даже не подозревая, что его злейший враг находился на расстоянии вытянутой руки.

Впрочем, кроме «подарка» в виде Сяомоня, Обито не стал ничего делать. Сегодня был его день передышки. Нынче он — не Утиха Мадара и не Тоби. Лишь на эти сутки план «Око Луны» переставал для него существовать.

Его ждало куда более важное дело.

Второй раз шагнув из пространства Камуи во внешний мир, Обито оказался в тысяче ри от Конохи — в месте, куда не ступал больше десяти лет.

Страна Травы. Руины моста Каннаби. Место, где сгинули жизнь и мечты шиноби из Конохи по имени Утиха Обито.

На краю разрушенного моста Обито сложил поленницу высотой в полчеловеческого роста, а сверху уложил широкую доску, на которой мог поместиться взрослый мужчина. Перенеся Какаси из пространства Камуи, он бережно уложил его на деревянный помост.

— Полагаю, ты будешь рад покоем в том же месте, что и твой герой, — проговорил он, обращаясь к телу. В его голосе звучала насмешка, подмешанная к едва уловимой горечи.

Мертвец не мог ответить. Копирующий ниндзя лежал, облаченный в фиолетовые одежды с высоким воротником в стиле клана Утиха — Обито ненавидел деревню, ради которой Рин и Какаси пожертвовали собой, поэтому сорвал с него форму Конохи и порвал ее в клочья. Руки Какаси были сложены на белом поясе. Несмотря на снятую печать, под воздействием Риннегана Обито лицо павшего казалось даже более живым, чем при жизни: на щеках проступал легкий румянец, словно он вот-вот откроет глаза и повернет голову.

Но это была лишь иллюзия.

Наставал рассвет, край неба затеплился бледным светом. Обито всматривался в черты Какаси, а затем снял перчатку с левой руки. Он коснулся пальцами его лица, провел от родинки у губы вверх по шраму до самой брови и вернулся к левому глазу.

— Этот глаз я забрал, — тихо сказал он и надавил пальцем.

Когда его рука отстранилась, веко Какаси опало. Из уголка глаза поползла тонкая алая струйка, теряясь в серебристых волосах.

Из пространства Камуи выпал свиток, точнехонько опустившись в правую ладонь Обито. Зубами сорвав тесьму, он развернул его и запечатал Шаринган в заранее приготовленные руны.

— Не пойми неправильно, он принадлежал тебе, и я больше не воспользуюсь его силой, — продолжал он говорить сам с собой. — Просто... при жизни он так и не смог показать тебе будущее, как я обещал. Пусть же хотя бы после смерти он вместо тебя взирает на путь, по которому я иду до самого конца.

«Какаси... Я покажу тебе идеальный мир».

Свиток снова поглотила пространственная воронка. Надев перчатку, Обито сложил длинную цепочку печатей. Вглядываясь в застывшую кровавую слезу, он бесшумно шевельнул губами и выдохнул:

— Стихия огня: Техника феникса!

Несколько огненных шаров размером с кулак опустились на поленницу. Дерево мгновенно вспыхнуло, с треском и гулом взвилось пламя. Языки огня облизали подол фиолетового одеяния, постепенно поглощая тело в бушующем пожаре.

Костер горел долго, пока солнце не взошло высоко и огонь не угас сам собой. Черноволосый мужчина давно покинул мост; на месте погребального костра остался лишь обугленный уголь, покрытый слоем серо-белого пепла.

Налетел горный ветер, подхватил прах и развеял его по воздуху. И не осталось ничего.

Осень пятьдесят пятого года от основания Конохи.

В эту ночь дежурство у главных ворот несли Генма и Райдо. Часы перевалили за девять, и шумный город постепенно погружался в сон. Двое молодых тюнинов сидели за столом, от нечего делать перебрасываясь фразами.

—... Так вот, я и говорю Асуме: если хочешь отдать любовное письмо Куренай, выжди, пока она останется без Анко, а иначе эта бестия обязательно... А? — Райдо внезапно осекся. Подавшись вперед, он всматривался в ночную тьму за пределами деревни. — Кажется... кто-то идет.

Едва он успел договорить, как у ворот бесшумно возникли четыре фигуры. Все четверо были одеты одинаково: светлые серые жилеты, длинные нарукавники до локтей, за спинами — ниндзято, а лица скрыты расписными масками. Огненная татуировка на левом плече однозначно указывала на их принадлежность: специальный отряд Анбу Конохи.

— Пеликан, отнеси трофеи в подразделение разведки, передай Ибики. Леопард, отведи Стрижа в госпиталь на осмотр, пусть скорее подготовят противоядие. — Говоривший, судя по всему, был командиром отряда. Его голос звучал собранно и уверенно, а серебристые волосы мягко

отсвечивали в лунном свете. — До восьми утра жду отчеты у себя дома. Разойтись!

— Есть! — в один голос отозвались остальные трое и мгновенно растворились в ночи.

Серебряноволосый командир повернулся к дежурным и, непринужденно засунув руки в карманы, неторопливо подошел к столу.

Подойдя ближе, он сдвинул маску на макушку, открывая закрытую темно-синей тканью нижнюю часть лица. Это был знак: миссия окончена, конспирация больше не требуется.

— С возвращением, Какаси, — поприветствовал его Генма. — Как все прошло?

— Ну, в целом вполне успешно, — лениво отозвался Какаси, вписывая в журнал название отряда и свое имя. — Главное, все вернулись целыми и невредимыми. А это важнее всего. — Он отложил кисть. — Ну, я домой. Увидимся.

— Э? — удивился Райдо. — А в Башню Хокаге на доклад не идешь?

— М-м... Полагаю, учитель Минато сегодня вряд ли засидится в кабинете.

— Не засидится? — не понял Райдо.

Генма толкнул его локтем и выразительно подмигнул. До Райдо наконец дошло:

— А-а! Черт, точно! Совсем вылетело из головы.

— Я же тебе еще позавчера говорил, — покачал головой Генма. Затем он окликнул уже отходившего Какаси: — Сбор завтра в пять вечера в «Якинику Q»! И смотри, чтобы Обито не опоздал!

Какаси не обернулся, лишь махнул рукой в знак того, что услышал.

Он пешком направился к старому поместью клана Хатаке на западной окраине деревни. Войдя во двор и раздвинув двери, он оказался в темном, тихом доме. Какаси на ощупь нашел обувную полку и нагнулся разуться. В этот момент под потолком с щелчком зажегся свет, и из коридора донесся дружный хор голосов:

— Какаси, с днем рождения!

Какаси вскинул голову. Чуть подальше, в дверях гостиной, сбившись в кучу, стояли Обито, Рин, Минато, Кусина и Наруто. На их лицах сияли широкие улыбки.

— Так я и знал, что вы все здесь, — пожал он плечами с таким видом, словно ничего другого и не ждал. — В записке, которую я отправил с Паккуном, не было сказано, во сколько я вернусь. Долго ждали?

— Ну что за глупый Кака! — досадно воскликнул Обито. — Мы тут, понимаешь, сюрприз готовили, хоть бы вид сделал, что рад!

— Так я же догадался.

— Неправда! Мы отлично спрятались!

— Просто кое-кто совершенно не умеет скрывать свое присутствие, — Какаси убрал обувь, подошел к компании и поддел Обито взглядом. — Глупый Тоби.

— Ах ты...! — Обито мгновенно вспыхнул. — Сколько раз повторять: не смей меня так называть! Ужасно звучит!

— Взаимно. Я лишь плачу той же монетой. Или тебе больше нравится «Аутсайдер»?

— Ха! Великий Обито вообще-то уже первоклассный джонин! И в будущем я стану Хок...

— Так, хватит! — перебила его Рин, хлопнув в ладоши, когда Обито не успел договорить. — Когда вы уже повзрослеете? Какой пример вы подаете Наруто? — С этими словами она зашла за спину Какаси и подтолкнула его к лестнице: — Быстро марш переодеваться, ужин почти остыл. У тебя поясница травмирована? Давай осмотрю. Обито, помоги учителю и сестре Кусине накрыть на стол!

— Это просто царапина, ее уже перевязали, не нужно...

— Возражения не принимаются! Слушайся врача!

— Слушаюсь, слушаюсь, — протянул Какаси, покорно поднимаясь по ступеням. — Между прочим, это мой дом. Оставила бы мне хоть каплю хозяйского достоинства.

Он ворчал, но под маской его губы тронула теплая улыбка.

Обработав его рану, Рин спустилась вниз. Какаси быстро умылся, переоделся и последовал за ней. Стол уже был накрыт, все стояли рядом, ожидая его. Лишь Обито ютился в самом хвосте, почему-то густо покраснев и не смея встретиться с ним взглядом.

Кусина взяла Какаси за руку и усадила во главе стола:

— Ну а теперь — время подарков! Кто первый?

— Начни ты, — с улыбкой предложил Минато.

— Без проблем! — Кусина, точно фокусник, извлекла два свитка с гербом клана Удзумаки. — Та-дам! Секретные техники запечатывания Удзумаки, эксклюзивная подборка от Кусины! — гордо заявила она. — Учитель Дзирайя сказывал, ты в последнее время увлекаешься запечатывающими техниками, так что это тебе пригодится. Учись на здоровье!

— Спасибо, — Какаси принял свитки обеими руками. — Я внимательно изучу их.

— А от меня вот это, — Кусина отступила, и к нему подошел Минато. Он вынул связку из двенадцати кунаев Летящего Бога Грома, скрепленных бечевой. — С тех пор как я обучил тебя этой технике, мы пользовались общими кунаями. Эти сделаны специально для тебя из особого сплава — они куда лучше реагируют на чакру стихии молнии. Береги их!

— Премного благодарен, учитель Минато.

— Теперь я! — закричал Наруто. Подросток подскочил к Какаси и всучил ему рисунок, нарисованный цветными карандашами. На нем красовались восемь фигурок разного роста, стоявшие у речки на Третьем тренировочном полигоне, и у всех на лицах красовались широкие улыбки. — Это я, папа, мама, брат Какаси, брат Обито, сестра Рин! — Он перечислил всех по порядку, а на последних двух замялся: — Ну... мы с Саске рисовали вместе, поэтому он тоже тут, а потом брат Итачи помогал, так что он тоже попал на рисунок. Брат Какаси, ты же не против?

— Конечно же нет, — Какаси ласково взъерошил его золотистые волосы. — Кстати, я привез из миссии кое-какие безделушки, сможешь поиграть с Саске.

— О-о-о! Обожаю брата Какаси! — Наруто сиял от счастья и заключил его в крепкие объятия.

— Держи. От меня, как и каждый год, специальная аптечка. Внутри всё разложено так, как ты привык. Она немного громоздкая, так что лучше держи ее в свитке, а с собой бери только самое необходимое, — Рин поставила перед Какаси коробку размером с небольшой походный рюкзак. — В последнее время ты тратишь много кровоостанавливающих средств, так что я положила побольше. Закончится — приходи ко мне за добавкой!

— Ты как всегда заботлива, — поблагодарил Какаси, аккуратно складывая подарки на соседний свободный стул. — Этого хватит ненадолго.

Затем он повернулся к Обито и протянул руку:

— А твоё где?

— Я... — Обито залился краской еще гуще и пробормотал: — Мой подарок... я отдам тебе после ужина!

Какаси изогнул бровь:

— Это еще почему?

— Самое сладкое... всегда оставляют на потом! В общем, не спрашивай, давай есть!

Какаси одарил его подозрительным взглядом, но лишь развел руками:

— Забыл приготовить — так и скажи. Я бы не стал рвать с тобой дружбу из-за такой мелочи.

— Да кто бы стал забывать о таком!

Тем временем остальные уселись на свои места. Обито поспешно юркнул на свое кресло. Минато спросил:

— Не будем больше никого ждать, Какаси?

— Уже поздно, вряд ли он успеет вернуться сегодня, — Какаси взглянул на настенные часы. — Одной трапезой больше, одной меньше.

Минато кивнул. Подняв палочки, все дружно произнесли:

— Итадакимас!

После ужина Минато и Рин отправились убирать со стола. Какаси призвал Паккуна, чтобы тот поразвлекал Наруто под присмотром Кусины, а сам поднялся к себе в кабинет — нужно было записать детали выполненного задания, чтобы завтра свести их с отчетами подчиненных.

Команда Минато была для него не просто гостями, а семьей, так что непрерывно крутиться возле них не требовалось.

Только он поставил точку в последней записи, как в дверь постучали. Какаси поднял взгляд: дверь была открыта, в проеме никого не стояло, лишь чья-то рука манила его пальцем: иди за

мной.

Выйдя из спальни, Какаси никого в коридоре не обнаружил. Ориентируясь на чакру Обито, он вышел на открытый балкон.

— Что за таинственность?

Обито, всё ещё красный как рак, протянул ему коробочку с логотипом лавки «Амагури Ама»:

— Тебе... С днем рождения.

— Дафуку с каштаном? Решил подарить то, что купил в магазине? Как-то не густо с твоей стороны, Обито-кун.

—... Ты все равно не любишь сладкое! Если бы я вручил его при всех, а ты отказался, представляешь, как бы я опозорился?!

— Вообще-то я знаком с элементарным этикетом, — вздохнул Какаси, взъерошив волосы. — К тому же, зная, что я не ем сладости, дарить мне их — вот уж действительно глупость.

— За... заткнись! Я поделился с тобой тем, что люблю больше всего на свете! Чем ты недоволен?! — Обито буквально впихнул коробку Какаси в руки. — На, ешь!

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас!

— Я плотно поужинал, — проворчал Какаси, но все же открыл коробочку, достал один дафуку и укусил.

— Ну как? — Обито напряженно уставился на него.

— М-м... — Какаси поморщился. — Слишком приторно. Как ты вообще это ешь?

— И... ничего странного не чувствуешь?

— Странного? Ты что, яду туда подсыпал?

— С ума сошел?!

— Кроме того, что оно жутко сладкое, ничего странного, — дожевав, Какаси слизал пудру с пальцев.

—... Вот как, — Обито сделался странным: лицо выражало одновременно и облегчение, и разочарование. Он ткнул пальцем в коробку: — Ешь дальше.

— Ты что, хочешь, чтобы я уплетал все шесть штук?

— Не разговоры разговаривай, а ешь!

Какаси утомленно посмотрел на него и взял второй сладостный шарик.

—... М-м?

Обито тут же выпрямился, голос его невольно взлетел:

— Ч-что такое?! С этим д-дафуку что-то не так?!

— Нет, — ответил Какаси. — Я поперхнулся.

—... Чтоб ты подавился!

— Разве в такой момент ты не должен похлопать меня по спине? Где твоя товарищеская взаимовыручка?

— Какой же ты проблемный, — буркнул Обито и неловко похлопал его по спине. Нанес пару ощутимых ударов, но Какаси лишь прищурился, и его глаза превратились в полумесяцы.

— А знаете, дафуку-то не так уж и плох, — проглотив второй кусочек, Какаси потянулся за третьим. Но едва взяв его в руки, нахмурился: — Странно. Почему этот тяжелее остальных?

—... Э-э! — Обито замер, а его лицо мгновенно превратилось в спелый помидор.

— Твердый, — Какаси сжал сладость пальцами. — Внутри как будто что-то...

Хлоп!

Едва он успел проговорить это, как Обито с размаху вlepил ему ладонью между лопаток. Они стояли, опираясь на перила балкона, и Какаси, не ожидавший столь резкого удара, выронил дафуку. Сладость выскользнула из пальцев и потонула в ночной тьме внизу.

Балкон погрузился в мертвую тишину.

— Я-я-я сейчас принесу! — не дав Какаси вставить и слова, панически закричал Обито. Перемахнув через перила, он спрыгнул вниз. При свете луны Какаси успел заметить, что у того покраснели даже уши и шея. И... неужели на глазах были слезы?

Какаси перегнулся через перила. Обито подобрал что-то с земли, но не стал подниматься обратно и не вошел в дом. Вместо этого он выскочил через заднюю калитку и дал такого деру, что только пятки засверкали. Какаси провел его взглядом, посмотрел на оставшиеся в коробке сладости и снова глубоко вздохнул.

—... Вот дурак.

— Нам пора, — проговорил Минато у самого выхода, держа на руках сонного Наруто, который протирает кулачками глаза. — Какаси, завтра можешь прийти в Башню Хокаге попозже.

— Да бросьте, учитель Минато, миссия была не настолько тяжелой. В девять утра я буду в кабинете.

— Ха-ха... Ну хорошо.

— А где Обито? — Рин держала в руках жилет Обито, озираясь по сторонам. — Вот ведь, стоит отвлечься, и его уже нет...

— Он, скорее всего...

— Смотрите, кого я встретил! — возглас Обито прервал Какаси. Все повернулись на голос и увидели, как к дому по улице идут две фигуры. Разглядев лицо спутника Обито, присутствующие просияли.

— Старший Сакумо! — первым отозвался Минато. — С возвращением! Тяжелый выдался путь?

— Эх-хе-хе... Похоже, я все-таки опоздал, — Сакумо почесал затылок, добродушно улыбаясь. Он выглядел пыльным с дороги, в глазах таилась нескрываемая усталость. — Встретил по пути Обито, он и сказал, что вы уже поужинали.

— Папа, ты же должен был вернуться только послезавтра? — Какаси прислонился к дверному косяку, засунув руки в карманы. Хотя тон его оставался ленивым, в голосе явственно слышалась радость. — Зачем было мчаться день и ночь?

— Как я мог пропустить день рождения собственного сына? — Сакумо попытался сделать строгое лицо, но тут же мягко улыбнулся: — Эх, впрочем, остался всего час.

— Какаси, старший Сакумо, вы оба только что с длительных миссий, так что отдохните как следует в ближайшие дни, — сказал Минато. — Обито, проводишь Рин?

— Без проблем, — Обито забрал у Рин свой жилет, старательно избегая взгляда Какаси. — Тогда мы пошли. До свидания, старший Сакумо... Пока, Какаси, — последние слова он пробубнил совсем тихо.

— Увидимся! — кивнул Сакумо.

Остальные тоже попрощались. Разделившись на перекрестке с семьей Минато, Рин и Обито пошли по своей улице. Лунный свет падал им в спину, вытягивая впереди длинные тени. Пройдя некоторое расстояние в молчании, Рин пару раз бросила взгляд на Обито, который хмурился и молчал, и со вздохом начала первой:

— Судя по твоей мине, ты провалился?

Обито ничего не ответил. Он достал из подсумка предмет и раскрыл ладонь: на ней лежал блестящий ключик с эмблемой веера клана Утиха.

— Я с самого начала говорила, что спрятать ключ в дафуку — дурацкая идея, — вздохнула Рин. — Отдал бы прямо, признался бы: «Хочу, чтобы мы жили вместе». Что может быть проще?

—... Легко тебе говорить.

— Конечно легко. Госпожа Микото уже уломала главу Фугаку, со стороны Утиха никаких препятствий нет, остался только ты сам.

—...

— Ты ведь знаешь, что нравишься Какаси? Раз это взаимно, почему просто не сказать?

— Какаси всегда был гением, он ушел далеко вперед от всех нас, — помолчав, наконец выговорил Обито. — В двенадцать — джонин, в четырнадцать — Анбу, не прошло и двух лет, как стал командиром отряда. Учитель Минато сказывал, что нынешний глава Анбу прочит его в свои преемники. А я... я всего лишь обычный джонин.

— Ну, Утиха с тремя томое в обоих глазах вряд ли назовешь обычным, — развела руками Рин. — Обито, прибавь ты себе хоть немного уверенности!

— Дело не в уверенности, — Обито вновь сжал ключ в кулаке. На его лице отразилась непреклонная решимость, а глаза засияли от твердого намерения: — В общем, сначала я стану еще сильнее и лучше, а уже потом признаюсь Какаси!

— Имеешь в виду — станешь Хокаге?

— Естественно!

— По-моему, учитель Минато просидит на этом посту еще очень долго... Ваша мальчишеская гордость иногда просто не поддается никакой логике, — Рин сокрушенно опустила плечи. Но тут же тепло улыбнулась и похлопала Обито по спине: — Хотя я по-прежнему считаю, что признаться стоит сейчас, такой азарт тоже неплох. Так что дерзай!

— Угу!

В то же время в кабинете дома Хатаке.

— Вот, держи, — Какаси поставил чашку с чаем перед Сакумо, а сам отпил воды из своего стакана. — Не могу я есть эти сладости, — пробормотал он. — Чудо, как у Обито до сих пор зубы не вывалились.

— Так значит, — Сакумо отложил кисть, пригубил чай и как бы невзначай спросил: — Он признался тебе?

— Кха-кха!.. — Не ожидавший такого вопроса, Какаси поперхнулся водой и смущенно закашлялся, закрывая рот ладонью и сердито уставившись на отца: —... Папа!

— Ха-ха-ха... Извини, извини, — без капли искренности рассмеялся Сакумо. — Просто я видел, как этот парень бродил у ворот сам не свой. Подумал, он сболтнул лишнего, не дождался ответа и сбежал в панике.

— Этот идиотина сбежал с поля боя, — буркнул Какаси. Он потерял пальцы, точно на них еще оставались следы пудры. — Кажется... это был ключ от его дома.

— О-о, ключ? Весьма серьезный шаг.

— Ты так стремишься выселить меня? — Какаси скрестил руки на груди, сверху вниз глядя на отца.

— С чего бы? — улыбнулся Сакумо. — Но раз ты знаешь, что нравишься ему, почему бы не сделать шаг навстречу самому? Вы оба взрослые мужчины, какая разница, кто признается первым.

— Э-э... — Напускная строгость пропала без следа. Какаси смущенно отвернулся: — Зачем спешить? Мы оба еще молоды, впереди куча времени. Раньше, позже — какая разница.

Глядя на затылок сына, Сакумо разомкнул губы, но так ничего и не произнес.

Прослужив шиноби более тридцати лет и пройдя через две Мировые войны, он как никто другой знал, насколько эфемерна жизнь ниндзя. Несчастья происходят каждый день, никто не гарантирует возвращения с миссии, а под плитами на кладбище покоится слишком много неисполненных надежд. Сколько дел остается незавершенными, сколько слов — несказанными, когда жизнь обрывается в один миг.

Это была истина, выжженная жестоким опытом, и, к счастью, его сыну пока не довелось познать ее в полной мере. Хотя Какаси ходил в шиноби уже более десяти лет и видел немало смертей, чужое горе и собственное — две совершенно разные вещи. Настоящую боль познаешь только тогда, когда она ранит тебя самого.

Так же, как он сам никогда не сможет забыть то мгновение, когда хрупкая ладонь жены выскользнула из его руки.

Впрочем, сегодня день рождения сына, и портящие настроение думы ни к чему. Прежде чем Какаси заметил его молчание, Сакумо взял себя в руки и с улыбкой поддел его:

— Если стесняешься — так и скажи, я не стану смеяться.

— Ничего смешного тут нет, — с каменным лицом обернулся Какаси. — Кстати, а где мой подарок?

Поняв, что сын переводит тему, Сакумо не стал настаивать:

— Как раз хотел отдать, — он поднялся, подошел к подоконнику и взял свой короткий меч. На глазах изумленного сына он протянул оружие обеими руками: — С двадцатилетием, Какаси. Отныне этот клинок принадлежит тебе.

— Отдаешь... мне? — Какаси уставился на легендарное оружие, не в силах поверить. Внезапно его осенила мысль, и он испуганно вскинулся на отца: — Ты уходишь на покой? Открылись старые раны?! Завтра же иди к Рин —

— Нет-нет, я абсолютно здоров, — замахал руками Сакумо. Его взгляд смягчился, наполняясь отцовским теплом: — Просто пришла пора передать его дальше.

— Я от всего сердца горжусь тем, что у меня такой замечательный сын. Верю, что в твоих руках этот клинок засияет еще ярче.

— Спасибо, отец, — с чувством проговорил Какаси. Выпрямившись, он с глубоким уважением принял меч обеими руками. — Я не подведу тебя.

Сакумо улыбнулся и похлопал его по плечу:

— Иди отдыхай. А мне нужно закончить работу.

Какаси кивнул и повернулся к выходу. Но у самой двери замер.

— Отец, — проговорил он, не оборачиваясь. — Я... поистине счастлив.

— Я тоже, Какаси, — тихо ответил Сакумо, провожая взглядом силуэт сына.

Когда дверь закрылась, Сакумо еще некоторое время смотрел ей вслед, затем вернулся к столу и обмакнул кисть в чернила.

— Так... на чем я остановился? Ах да, день третий, вторая половина дня... М-м?

Едва кисть коснулась бумаги, как он замер. Выражение лица мгновенно сменилось настороженным. В ладони уже зажат кунай. Затаив дыхание, Сакумо прислушался.

Вокруг царила тишина.

Напряжение на лице Сакумо сменилось замешательством.

«Странно... На миг показалось, будто на первом этаже возник чужой источник чакры. Показалось?»

Вряд ли кто-то мог проникнуть через барьер Конохи незамеченным, а уж проникнуть в усадьбу Хатаке — и подавно. Поколебавшись, Сакумо качнул головой и снова сел в кресло:

«Наверное, просто переутомился... Закончу отчет и сразу спать».

Все снова погрузилось в ночной покой. Спустя некоторое время свет в кабинете погас. На мгновение зажглась лампа в спальне и тут же потухла.

А на первом этаже лунный свет проливался сквозь окно прямо на пол гостиной. В свободном пространстве между столиком и шкафом бесшумно застыл темный силуэт.

Он стоял недвижно, словно изваяние.

Ночной ветер зашуршал листвой за окном. Набежавшее облако полностью закрыло луну.

А когда туча уплыла и комнату снова озарил мягкий свет, темный силуэт уже исчез. Словно его здесь никогда и не было.

<http://bllate.org/book/19560/1933713>